

Книга: Исслед. и мат-лы
сб. 90 м. Наука
2009.

Е.Н. Никитин

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(1918–1924)*

В 1919 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет «Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока».

Необходимо отметить: идея создания Восточного отдела принадлежит Горькому. И.Ю. Крачковский записал в дневник 10 января 1919 г.: «Во вторник под председательством Ольденбурга раздумывали над предложением Горького организовать серию переводов с восточных языков»¹. Предложение было принято. Без промедления стали составлять перечень произведений, подлежащих переводу и опубликованию. В его обсуждении принимали участие и коллеги из Западного отдела. В протоколе от 15 мая 1919 г. отмечено: «Н.С. Гумилев делает замечание о неполноте программы Восточного отдела (нет Рамаины, полной Шахнамэ, Шодской поэзии абиссинцев). Председатель объясняет неполноту программы (...) тем, что при составлении списков (...) руководствовались исключительно соображениями наличных сил»².

В предисловии к восточному каталогу читаем: «Мировая литература для русского читателя представляется почти исключительно, как литература Запада; смутно иногда носились перед ним неопределенные образы Востока, и иногда лишь в круг его чтения попадали случайные переводы литературных восточных памятников, притом, по большей части, как переводы не с восточных подлинников, а с западных переводов»³. Ставилась задача познакомить россиян с наиболее интересными творениями восточной культуры в переводах, выполненных лучшими специалистами с языков оригиналов. «Мы начинаем с древнейших доступных литератур Египта, Ассирии и Вавилона, — отмечалось в предисловии, — берем памятники древних семитических литератур, где на первом месте — первый русский научный и общедоступный перевод Библии, привлекаем Иран с древнейших времен, включая и знаме-

© Е.Н. Никитин, 2008

* Окончание. Начало см. в сб. 89, ч. 1–2.

¹ Цит. по: Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 173.

² Цит. по: Белкин Д.И. Грандиозный замысел (Горький и издательство «Всемирная литература») // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 4 (70). С. 180.

³ [Ольденбург С.Ф.] От редакции // Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока. Пб., 1919. С. 5.

нитую надпись царя Дария. Многообразный мир Кавказа представлен и литературой и народной словесностью. Литературы остального Христианского Востока представлены Сирией, Коптами, Арабами, Абиссинией. Великие цивилизации Индии и Китая доставили богатейший и разнообразнейший материал; к ним примкнула и Япония. Разлившийся по Азии и значительной части Африки и средневековой Европы арабский литературный язык дал Коран и свои главные литературные произведения. Турки, занявшие значительную часть Азии и восточной Европы, представлены литературными образцами на многих языках и наречиях и образцами народной словесности, а сибирские инородцы и монголы, главным образом, памятниками народной словесности (...) Как скоро удастся осуществить целиком эту громадную программу, сказать трудно, ибо препятствий к ее осуществлению много, но самая ее постановка и начало осуществления — уже большой шаг вперед, мы в это глубоко верим, на пути к познанию души Востока, которую так плохо понимает западный человек, увлеченный достижениями своей цивилизации и, потому, слепой к великой и удивительной культуре Востока. Издание будет вестись в двух сериях, из коих одна предназначается для более подготовленного читателя, а другая — для самых широких кругов»⁴.

В конце каталога были названы те, кому предстояло осуществить столь широко задуманную программу:

«Редакционная Коллегия экспертов Восточного Отдела: В.М. Алексеев, М. Горький, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Тихонов.

В редакционной и переводческой работе принимают участие еще следующие лица: Н.Г. Адонц, А.П. Алявдин, М.Н. Багатуров, В.В. Бартольд, Е.Э. Бертельс, В.Г. Богораз, В.М. Викентьев, Б.Я. Владимирцов, И.М. Волков, Ф.Ф. Гесс, С.Г. Елисеев, А.И. Иванов, В.И. Иохельсон, П.К. Коковцов, В.Л. Котвич, Н.Н. Кротков, И.П. Кузьмин, П.Н. Макинцян, Н.Н. Мартинович, Б.В. Миллер, Л.И. Назарянц, И.А. Орбели, Э.К. Пекарский, О.О. Розенберг, Ф.А. Розенберг, А.А. Ромаскевич, А.Н. Самойлович, А.А. Семенов, В.Д. Смирнов, М.Н. Соколов, С.И. Соколов, В.В. Струве, В.А. Териан, М.Г. Тихая-Церетели, Б.А. Тураев, П.А. Фалев, Н.Д. Флиттнер, А.А. Фрейман, А.С. Чилингарян, А.А. Шахматов, В.К. Шилейко, А.В. Шмидт, А.Э. Шмидт, Л.Я. Штернберг, Ф.И. Щербатской»⁵.

Мы видим, в коллегия Восточного отдела, помимо руководителей издательства, вошли ведущие ориенталисты страны во главе с неперменным секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом, у которого тогда с Горьким сложились очень теплые отношения. Чуковский в 1919 г. записал в дневник: «28 октября (...) Когда Ольденбург высказывает какое-нб. мнение, кажется, что он ждет от вас похвального отзыва (...) Он даже поглядывает на вас искоса — тайком — видите ли вы, какой он славный? И когда ласковым

⁴ [Ольденбург С.Ф.] От редакции // Каталог издательства «Всемирная литература»... С. 5–6.

⁵ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока. С. 53.

вкрадчивым голосом он выражает научные мнения, — он высказывает их как первый ученик — застенчиво, задушевно, и ждет одобрительного кивка головы (главным образом со стороны Горького, но и нашими не брезгует). Горький в него влюблен, они сидят визави и все время переглядываются; Горький говорит: «Вот какой должен быть ученый» (...) 27 [ноября] (...) Горький очень нежен с Ольденбургом — теперь у них медовый месяц»⁶. Ольденбург, при участии Горького и Тихонова⁷, составил каталог «Литература Востока» и написал предисловие к нему⁸.

В.М. Алексеев именно тогда начал работу над переводами рассказов классика китайской литературы Пу Сун-Лина (псевдоним: Ляо Чжай). В предисловии к его книге «Монахи-волшебники» (М.; Пг., 1923), выпущенной «Всемирной литературой», ученый говорит о сложностях, подстерегающих того, кто берется перекладывать на другой язык сочинения мастера слова XVIII в.⁹ Несколько позднее Алексеев отметил: «...даже труднейшие строфы, например, байроновского «Чайльд Гарольда» или «Дон Жуана», будучи в конце концов слышимыми, не дают даже понятия о ляочжаевском и ему подобном всяком другом иероглифическом языке»¹⁰.

И.Ю. Крачковский для каталога «Литература Востока» составил разделы «Абиссинцы» и «Арабская литература»¹¹. В каталоге русским читателям был обещан научный перевод «Корана». И.Ю. Крачковский начал трудиться над ним в сентябре 1921 г. Сложная работа потребовала много времени, она продолжалась девять лет, но была опубликована только в 1963 г., уже после смерти переводчика.

Н.Я. Марр больше всего известен своим «новым учением о языке». Этот термин он впервые употребил в 1924 г., а ранее называл свою теорию яфетической (прилагательное образовано от древнееврейского имени

⁶ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 116–117, 129.

⁷ См. письмо Горького к Ольденбургу от февраля–мая 1919 г. (АГ. ПГ-рл-29-6-1).

⁸ Помимо каталога, при участии Ольденбурга во «Всемирной литературе» вышли кн.: Принципы художественного перевода. 2-е доп. изд. Пг., 1920 (статья «Федор Дмитриевич Батюшков: In memoriam. 19 марта 1920»); Саади. Гулистан / Пер. Е. Бертельса; Предисл. С. Ольденбурга. Берлин, 1922.

⁹ См.: Алексеев В. Предисловие // Ляо Чжай. Монахи-волшебники. М.; Пг., 1923. С. 9–10. С участием Алексеева вышли также кн.: Ляо Чжай. Избранные рассказы / Пер. и предисл. В. Алексеева. Пб., 1922 Т. 1.; Антология китайской лирики VII–IX вв. н.э. / Пер. в стихах Ю. Щуцкого; Вводные обобщения и предисл. В. Алексеева. Пг., 1923.

¹⁰ Алексеев В.М. О новеллах Ляо Чжая // Алексеев В.М. Китайская литература: Избранные труды. М., 1978. С. 310.

¹¹ См.: Винников И.Н. Игнатий Юлианович Крачковский. М.; Л., 1949. С. 40. С участием Крачковского вышли также кн.: Ибн Туфейль. Роман о Хайе, сыне Янзана / Пер. и предисл. И. Кузьмина; Ред. И. Крачковский. Пг., 1920; Мудрость Хикара и басни Лукмана / Пер. И. Кузьмина и М. Салье; Ред. и предисл. И. Крачковского. Пг., 1920; Ларетта Э.Р. Подвиг дон-Ромиро / Пер. К. Жихаревой; Примеч. Г. Лозинского и Б. Кржевского; Предисл. Г. Лозинского и И. Крачковского. Берлин, 1922; Усама ибн Мункиз. Книга назидания / Пер. М. Салье; Ред., вступ. статья и примеч. И. Крачковского. Пб.; М., 1922.

Иафет (Iapheth) — так звали одного из сыновей легендарного Ноя). Ученый считал, что индо-европейская языковая семья, как и другие семьи языков, не связана исконным генетическим единством, а сложилась вторично путем скрещения. Впервые эти взгляды были высказаны в работе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (1920). Академик отрицал достижения, полученные к тому времени сравнительно-историческим языкознанием, поскольку они противоречили его теории. В журнале «Восток», который выпускала «Всемирная литература», Н.Я. Марр поместил статью «Яфетиды» (1922. Кн. 1).

Летом 1920 г. издательство Горького получило удар с неожиданной стороны — от Пролеткульта (организации, основанной последователями А.А. Богданова). Его нанес поэт Сергей Городецкий, автор нашумевшего сборника «Ярь» (СПб., 1907). 7 апреля 1920 г. М.М. Пришвин записал в дневник: «Городецкий, Бальмонт — язычники (...) Трагедия их: расстаться со своей личностью, отсюда богоискательство»¹². Городецкий, действительно, неоднократно менял свои верования, в разное время поклонялся разным богам. Но дело здесь еще и в стремлении к лидерству. Сначала он, вместе с Георгием Чулковым и Вячеславом Ивановым, пытался соединить религиозные искания с политическим радикализмом и заявлял: «Не знаю, что такое нельзя и можно, мораль и право, закон и заповедь, Бог и деспот. Всякий поэт должен быть мистико-анархистом, потому что как же иначе? Неужели только то изображу, что вижу, слышу и осязаю?»¹³

Однако рядом с Вячеславом Ивановым быть первым невозможно. Тогда Городецкий становится акмеистом. Его и Гумилева манифесты, объявляющие о создании нового направления в поэзии, печатаются в первом номере «Аполлона» за 1913 г. Но и около Гумилева быть главой трудно.

Городецкий решил собрать возле себя «народных писателей» — Есенина, Клюева, Клычкова, создал литературную группу с характерным стилизованным названием «Краса», пытался на основе интереса к старославянской мифологии объединить устремления свои собственные и крестьянских поэтов, но неудачно, и вскоре их сообщество распалось. А тут его книга «Четырнадцатый год» (Пг., 1915) вызвала только насмешки и издевки, привела к «ссоре с передовой русской литературой»¹⁴.

Обиженный на столичное общество, Городецкий в поисках удачи отправился на Кавказ. Под влиянием революционных событий он стал проповедником идей Пролеткульта. За статьи, помещенные в тифлисской газете «Кавказское слово», меньшевистское правительство выдворило поэта из Грузии. Некоторое время он жил в Баку, но и здесь прочно обосноваться не удалось. Летом 1920 г. Городецкий возвратился в Петроград, занял пост заведующего литчастью политуправления Балтфлота.

¹² Пришвин М.М. Дневники 1920–1922 гг. / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Комментар. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М., 1995. С. 48.

¹³ Городецкий С. На светлом пути // Факелы. СПб., 1907. Кн. 2. С. 193.

¹⁴ См.: Городецкий С. Ованес Туманян // Городецкий С.М. Избранные произведения: В 2 т. / Сост. и коммент. В. Енишерлова. М., 1987. Т. 2. С. 533.

В городе на Неве жилось очень трудно. Б.К. Зайцев вспоминал: «Войны, революция все перебуравили. Подкрашенный Кузмин со своими Александринскими песнями погибал в Петербурге в убожестве. Городецкий приспособился и проскочил»¹⁵. 20 августа 1920 г. в «Известиях Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов» была помещена его статья «Пролеткульт», в которой говорилось: «Впервые после социальной революции человечество получает возможность свободного творчества и жизни. Мы вошли в новую эру, перед которой вся предыдущая история была только слишком затянувшимся вступлением. Творческая энергия человечества, которой старый мир давал возможность высвободиться только в тысячной доле, впервые получает полный простор для своего развития. И вот Пролеткульт есть первое имя этого небывалого будущего, первое окно к мировому солнцу». Пролеткульт должен преобразовать все искусства и все науки, поставить их «лицом к лицу с трудовой жизнью». Задача важная и трудная, поскольку «здесь идет дело не о “новых” картинах и стихах, а о коренной ломке человеческого духа». Столь ответственное дело способны выполнить только «силы не слабее тех, которые строили первые советы, красную армию и флот и III Интернационал. Гибелью будет, если работу возьмет какой-нибудь кадетствующий втайне профессор или дама от искусства». Чем в первую очередь обязан заняться Пролеткульт? «Он должен, — пишет Городецкий, — отмести все, на чем лежит каинова печать буржуизма, но он должен взять в полную свою власть все, что является общечеловеческой ценностью (...) уже намечается целый отдел Пролеткульта: отдел критической проверки буржуазного наследства с точки зрения пролетарской идеологии (...) Одним словом, нужно расчистить дорогу, убрать мусор». Но важному делу мешают. Городецкий сетует: «Из московского Пролеткульта поэты выходят в полном составе». Что конкретно произошло, кто ставил палки в колеса? Об этом в статье не говорится. Ситуацию проясняют воспоминания В.Ф. Ходасевича: «Осенью 1918 года мне предложили читать лекции в литературной студии московского Пролеткульта (...) Занятия шли успешно, но это именно и не нравилось верховным руководителям Пролеткульта. С их точки зрения, мои слушатели, из которых должны были состояться кадры пролетарской литературы, должны были перенять у Пушкина “мастерство”, литературную “технику”, но ни в коем случае не поддаваться обаянию его творчества и его личности. Следовательно, мои чтения представлялись им замаскированной контрреволюцией (...) К этому прибавились мотивы личного характера: в то время как лекции “буржуазных специалистов” собирали по 30–40 слушателей, а иногда (некоторые лекции Андрея Белого) до 60, слушать коммунистических “руководителей” приходило человек по пятнадцати. Чувствуя, что студийцы все более поддаются влиянию “спецов”, главари Пролеткульта решили с этим бороться. Удалить нас вовсе — значило бы признать свое бессилие, раскрыть карты

¹⁵ Зайцев Б. Вячеслав Иванов // Воспоминания о серебряном веке / Сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М., 1993. С. 133.

и восстановить слушателей против совета Пролеткульта. Поэтому нам начали просто мешать»¹⁶. Кончилось все тем, что «ученики (...) вышли из Пролеткульта, чем недвусмысленно высказали свое отношение к начальству»¹⁷.

Получается: работе Пролеткульта мешали «спецы» — такие как Ходасевич (он, заметим, в то время был руководителем московского отделения «Всемирной литературы»¹⁸). Свое мнение о них, занимающихся не расчисткой дороги, а нагромождением «мусора», Городецкий высказал в статье «Разложение интеллигенции» (статья имеет подзаголовок «Смердят столицы»): «В аскетически-чистом, небывало-строгом Петербурге, в хлопотливой, по-новому деловой Москве залег и заживо гниет дорогой покойник, уже трехдневный Лазарь, — интеллигенция (...) полутруп (...) весь в язвах, распухший, темный и немой, бездельный, одурманивающийся чем попало, вне жизни, вне работы, самовыкидыш из творчества, паралитик, отекающий злобой, заспанная растерха, самодовольный прокаженный, перемигивающийся воспаленными веками с лепрозориями Парижа и Варшавы»¹⁹. Чем же интеллигенция не угодила Городецкому? Тем, что ее представители «публично миропомазуются, соборуются и пророчествуют. Священным писанием торгуют, как папиросами (...) Рядом с этим мистическим тлением у более стыдливых и порядочных — другая страсть, иной опиум. Под превосходной наружной этикеткой культуры. С бьющей в нос рекламой огромного, небывалого по размаху дела. Переводчество. Всякий, кто может макать пером в чернила, переводит: с испанского, французского, китайского — со всех языков. Переводят кипами, сундуками, ящиками, поездами. Дело полезное, что и говорить. Но что бы вы сказали, если б во время сенокоса все бабы вдруг стали вышивать себе подола крестиком или еще как? (...) Что сейчас нужней: перевести какого-нибудь трунера Лилас д'Эстонак, или китайца Начхни-и-Спи, или же обучить грамоте десять солдат? Не а-б-в, а почитать с ними, поговорить. Голод огромный. Все хотят — и должны — все узнать. Конечно, приятней, вернее, привычней, сидеть в кресле и смаковать Леконт де Лиля, чем в уезде, в глуши, вести библиотеку (...) Переводчество только симптом болезни. Причина ее: отсутствие творчества, полнейшее отсутствие апперцепции (...) Религиозничество, переводчество, теоретизация — это все, так сказать, высшие сорта гниения (...) А между тем,

¹⁶ Ходасевич В.Ф. Пролеткульт и т.п. // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста И. Андреевой, С. Бочарова, И. Бочаровой, И. Хабарова; Коммент. И. Андреевой, Н. Богомолова, И. Бочаровой. М., 1997. Т. 4. С. 223–225.

¹⁷ Там же. С. 227.

¹⁸ В.Ф. Ходасевич вспоминал: «Осенью 1918 года, когда Горький организовал известное издательство “Всемирная литература”, меня вызвали в Петербург и предложили заведовать московским отделением этого предприятия» (Ходасевич В.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 151). Летом 1920 г., готовясь к переезду в Петроград, В.Ф. Ходасевич руководство отделением передал М.К. Николаеву.

¹⁹ Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 178 (670). 12 авг.

дорогие богоносцы, переводчики и теоретики, какое честное, красивое и большое дело могли бы вы делать! Необъятная, распаханная глубоко нива России ждет жадно зерен “разумного, доброго, вечного”. И в каждом из вас не может не быть доброго зерна. Но с неизъяснимым подхалимством взялись вы продолжать дело низвергнутого класса, и хоть минуточку побыть еще буржуем для вас дороже, чем долгая рабочая жизнь. Работы непочатый край – критическая проверка всей вашей культуры – задача дня. Создание пролеткульта – требует всех сил»²⁰.

Не пропагандировать, доносить до масс культурное наследие прошлого, а заниматься его кастрированием призывал Городецкий. Это ли не подхалимство перед новой властью. Пройдет еще некоторое время и автор «Яри» переписшет либретто «Жизни за царя» Глинки, даст знаменитой опере новое название – «Иван Сусанин», но облакан властью не будет.

Имя Горького в статье «Разложение интеллигенции» не названо. О нем Городецкий скажет через несколько дней – в статье «Литература и революция»: «Куприн белогвардействует где-то за рубежом. Вполне понятно. Бытописатель подонков общества, фотограф люмпен-пролетариата, он ни разу не задумался за долгую свою работу о социальном происхождении своих героев, и когда пришел новый мир, в котором его героям места нет, он остался без объекта наблюдений, жизнь опустела для него, и он бежал без оглядки туда, где живо еще старое (...) Иная судьба другого певца люмпен-пролетариата – Горького. Разница между ними в том, что Куприн – трезв, а Горький романтичен. Но тему потеряли они оба. И крайне характерно, что Горький, после своих колебаний в отношении к советвласти, сел в бест переводчества и всю наличную литературу, в момент, когда от нее требуется именно художественное творчество, посадил на побочную работу. А между тем, его пафос, его огонь роднит его с революцией, и кто бы, как ни он, мог дать первые портреты огненных героев наших дней»²¹.

Городецкий умышленно не замечал, не хотел видеть, что Горьким уже написано и опубликовано (в «Издательстве З.И. Гржебина»), может быть, самое революционное произведение за всю историю русской литературы – «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Пб., 1919).

За честь «Всемирной литературы» вступился Гумилев. Он направил своему бывшему единоверцу протестующее письмо. Оно, к сожалению, не сохранилось. Но известен ответ Гумилева другому оппоненту – Мережковскому, выступившему в декабре 1920 г. с клеветнической статьей в парижских «Последних новостях»²². А.Я. Левинсон, уже находясь за границей, вспоминал: «...кто-то принес на заседание “редакционной коллегии издательства Всемирной Литературы” в Петрограде бумажку: копию письма

²⁰ Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 178 (670). 12 авг.

²¹ Там же. № 182 (674). 17 авг.

²² Мережковский Д. Открытое письмо Уэллсу // Последние новости (Париж). 1920. № 189. 3 дек.

Д.С. Мережковского, напечатанного в парижской газете. То, что называется по-советски “коллекцией”, была группа писателей и ученых, голодных, нищих, бесправных, отрезанных от читателей, от источников знания, от будущего, рядов которых уже коснулась смерть, писателей, заправленных доносами ренегатов, вяло защищаемых от усиливающегося натиска власти, – и безоговорочно, до конца (от истощения, как Ф.Д. Батюшков, от цынки или от пули) верных литературе и науке. И вот в письме этом для этого пусть фанатического, пусть безнадежного, но высокого, но бескорыстного усилия нашлось лишь два слова: “Бесстыдная спекуляция”. Я не забуду этого дня: Гумилев, “железный человек”, как прозвал его я в шутку, – так непоколебимо настойчив бывал он при защите того, что считал достоинством писателя, – был оскорблен смертельно»²³. Гумилев написал клеветнику: «В зарубежной прессе не раз появлялись выпады против издательства “Всемирная литература” и лиц, работающих в нем. Определенных обвинений не приводилось. Говорилось только о невежестве сотрудников и неблагоприятной политической роли, которую они играют. Относительно первого, конечно, говорить не приходится. Люди, которые огулом называют невежественными несколько десятков профессоров, академиков и писателей, насчитывающих ряд томов, не заслуживают, чтобы с ними говорили. Второй вывод мог бы считаться серьезнее, если бы не был основан на недоразумении. “Всемирная литература” – издательство не политическое. Его ответственный перед властью руководитель Максим Горький добился в этом отношении полной свободы для своих сотрудников. Разумеется, в коллегии экспертов, ведающих идейной стороной издательства, есть люди самых разнообразных убеждений, и чистой случайностью надо признать факт, что в числе шестнадцати человек, составляющих ее, нет ни одного члена Российской Коммунистической партии. Однако все они сходятся на убеждении, что в наше трудное и страшное время спасение духовной культуры страны возможно только путем работы каждого в той области, которую он свободно избрал себе прежде. Не по вине издательства эта работа его сотрудников протекает в условиях, которые трудно и представить себе нашим зарубежным товарищам. Мимо нее можно пройти в молчании, но гикать и улюлюкать над ней могут только люди, не сознающие, что они делают, или не уважающие самих себя»²⁴.

Городецкий ответил Гумилеву статьей «Лазарь, выходи из гроба!». «Моя статья “Разложение интеллигенции” попала в цель, – утверждал в своем ответе Городецкий. – Целый ряд писем ко мне, словесных столкновений, открытое письмо ко мне одного известного поэта показывает, что покойничек зашевелился (...) Что же мне пишет упомянутый поэт? Письмо его типичный дипломатический документ старой эпохи (...) Моя теоретическая позиция оказывается ничем иным, как “преступным легкомыслием”

²³ Левинсон А. Блаженны мертвые // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 219–220.

²⁴ Гумилев Н.С. Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 234.

⟨...⟩ Писатели пишут, как всегда. На работу им становиться нельзя, потому что они уже на работе. Но на какой, товарищ? На той ли, к которой зовет их пролетариат, или на той, которую диктует им слепая и бессмысленная преданность буржуазии? ⟨...⟩ Далее поэт переходит в наступление. “Всемирная Литература” есть “огромная культурная ценность”, “Интернационал духа”. В идеале – да. Но на Моховой – нет. И мне задается провокационный вопрос: “Ты же знаешь о Леконте де Лиле, одном из величайших поэтов Франции, почему же о нем не знать рабочему и крестьянину?” Это уже передержка. Конечно, пролетариат должен знать все. Но что ему нужно знать сейчас, отклик отечественной литературы на революцию, которую он творит, или стихи старого буржуазного поэта? На этот вопрос не может быть двух ответов²⁵.

Позиция Городецкого ясна. Прimitивный отклик на происходящее, выраженный малоталантливими стихами, он ставил выше шедевров старых мастеров (в статье «Пролеткульт» сказано: «...как бы ни хихикали эстеты, – Самобытник, Кириллов, Поморский, Александровский, Филиппенко, Ярцев и многие другие уже дали образцы подлинной поэзии пролеткульта»²⁶).

Не понравился Городецкому также отбор авторов и произведений, сделанный издательством. Он утверждал: «Тов. Герцог, член III Интернационала, имел случай познакомиться с немецким каталогом “Всемирной Литературы”: ничего кроме помещанских писателей там не нашлось»²⁷.

Далее Городецкий отмечает: «Революция, гражданская война, советское строительство – это злободневность, по мнению поэта, которую изображать в искусстве можно только по “мобилизации” (искренности заостренного мозг “вечного” поэта не может видеть в революции). Ну и арбалет ты вытащил, мой друг! Это против пулемета-то? Ах, ты, рыцарь! Да ведь во все революции буржуазия пряталась под подол вечности, культуры, красоты и т.д. Ведь эта лампадная “вечность” не что иное, как отказ от творчества ⟨...⟩ Пишешь: “Литература и народ любовно тянутся друг к другу, только встреча их произойдет не на улице, пестрящей обрывками воззваний под выкрики митинговых ораторов, а в просторных светлых дворцах, превращенных в библиотеки (!), на зеленых лугах, возвращенных всем людям” (может быть, и помещикам?). Это уже не только смешно, но и гадко. Именно там, на улице революции, среди лозунгов и плакатов пролетариат завоевывает все, и власть, и землю, и культуру, и всех вас. Да, он любовно ждет учителей. Так не несите же ему, голодному, вместо хлеба камень (Мандельштама!)»²⁸.

«Камень» (СПб., 1913; 2-е изд. – Пг., 1916) Осипа Мандельштама – ничего не дающий уму и сердцу бульжник, а не произведение искусства, поскольку в нем нет прямого отклика на современные события, – такова по-

²⁵ Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. № 193 (685). 1 сент.

²⁶ Там же. № 184 (676). 20 авг.

²⁷ Там же. № 193 (685). 1 сент.

²⁸ Там же.

зиция Городецкого. По мнению Гумилева, Мандельштам – поэт, творящий вечные культурные ценности.

Отметим, точка зрения Городецкого во многом схожа со взглядом Ленина. Предсовнаркома, отвечая на не найденное до сих пор исследователями письмо Горького, писал 31 июля 1919 г.: «Вы пишете, что видите “людей самых разнообразных слоев”. Одно дело – видеть, другое дело ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение. Последнее приходится Вам больше всего испытывать от этих “остатков” – в силу хотя бы Вашей профессии, заставляющей “принимать” десятки обозленных буржуазных интеллигентов, да и в силу житейской обстановки. Будто бы “остатки” “питают к Советской власти нечто близкое симпатии”, а “большинство рабочих” поставляет воров, примазавшихся “коммунистов” и пр.! И Вы договариваетесь до “вывода”, что революцию нельзя делать при помощи воров, нельзя делать без интеллигенции. Это – сплошь больная психика, в обстановке озлобленных интеллигентов обострившаяся ⟨...⟩ И занимаетесь Вы не политикой и не наблюдением *работы* политического строительства, а особой профессией, которая Вас окружает озлобленной буржуазной интеллигенцией, ничего не понявшей ⟨...⟩ Если *наблюдать*, надо наблюдать внизу, где можно *обозреть* работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне ⟨...⟩ Вместо этого Вы поставили себя в положение профессионального редактора переводов и т.п., положение, в котором все силы ухлопываются на большое брюзжание больной интеллигенции ⟨...⟩ Понятно, что довели себя до болезни: жить Вам, Вы пишете, не только тяжело, но и “весьма противно”!!! Еще бы! В такое время приковать себя к самому больному пункту в качестве редактора переводной литературы (самое подходящее занятие для наблюдения людей, для художника!). Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать *не можете*»²⁹.

У «Всемирной литературы» было предостаточно недоброжелателей – открытых, таких как Городецкий, и тайных. Неудивительно, что главе издательства порой врагами казались ни в чем не повинные люди. 31 августа 1920 г., находясь в раздраженном состоянии (после разговора с Ионовым), Горький, как следует из записи в дневнике Чуковского, «вдруг явился во *Всемирную* и на заседании назвал Лернера подлецом. “Лернер передает всякие цифры и сведения, касающиеся “Всемир. Литературы”, нашим врагам, Лемке и Ионову. Поэтому его поступок подлый, и сам он подлец, да, подлец”. Лернера эти слова раздавили. Он перестал писать, есть, пить, спать – ходит по улицам и плачет»³⁰. Подавленный случившимся, обиженный до глубины души, Н.О. Лернер через несколько дней, 4 сентября, обратился к К.И. Чуковскому с пространном письмом, в котором излагал возможные причины случившегося и просил помирить его с Горьким. Н.О. Лернер

²⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1965. Т. 51. С. 24–26.

³⁰ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 147–148. Дата инцидента установлена по письму Лернера к Чуковскому (АГ. ПТЛ-10-18-1).

писал: «Вы знаете, что Ал. Макс. заявил, ссылаясь на сообщение Ионова, что я сошелся с врагами “Всем. Лит-ры” и вместе с Лемке готовлю выступление, цель которого – скомпрометировать издательство. Такое поведение он, не обинуясь, назвал “подлым” (...) Обращаюсь теперь к Вам как к человеку чуткой совести и притом знающего меня много лет. Положение мое ужасно. Я стал жертвою какой-то темной, гнусной интриги, – и не я один, а и Горький, который поверил клевете и на ней построил обвинение меня в предательстве (...) Во всем моем прошлом – Вы его знаете – нет ни одного момента, который связывал бы меня, хоть в самой отдаленной степени, с кругами, ведущими поход против интеллигенции и, в частности, против “Всем. Лит-ры”. (...) Лаврам Серг. Городецкому я не завидую, а если бы позавидовал, что мешало бы мне пойти по его пути? Но меня на таких путях никогда не видали – и не увидят. В лагере *тех* мне нечего делать (...) К Горькому лично какие чувства мог я питать, кроме уважения и сочувствия, как литератор и гражданин, – кроме глубокой благодарности, как человек, прямо ему обязанный? То, что сделано им для всех нас (Комм. Ученых, Д. Искусств и проч.), сделано и для меня, и плодами его трудов я сейчас пользуюсь. Тем больнее, что именно он считает меня предателем (...) В заседании я заявил, что с Ионовым никогда никаких бесед не вел, и что единственный разговор мой с ним был об издании одной моей работы; участником этого разговора были Вы, и было это, кажется, еще до возникновения “Всем. Лит-ры”. Я был поражен, что свидетельство такого человека, как Ионов, может иметь какое-нибудь значение в глазах Алексея Мак-ча, который не раз выражал гласно презрение к нему, и именно за подвохи против “Всем. Лит-ры”. Мне пришлось беседовать о “Всем. Лит-ре” с другим лицом, прикосновенным к Госуд. Изд-ву, именно с М.К. Лемке, и об этой беседе, немедля после нее, я рассказал в заседании Коллегии (все присутствовавшие это помнят), но, к моему несчастью, Горького в этом заседании не было. Лемке сообщил, что собирается поместить в своем журнале (“Книга и Революция”) статью о “Всем. Лит-ре”. Зная, как чутко относится Коллегия ко всем отзывам печати о деятельности “Всем. Лит-ры”, и разделяя со всеми этот интерес, в последнее время, после нападков Серг. Городецкого, особенно жгучий, я с большим вниманием выслушал Лемке, который познакомил меня *in extenso* (полностью (лат.)). – *Е. Н.*) с взглядами автора предложенной ему статьи. Этот критик считает всю “затею” “Всем. Лит-ры” ненужной и убыточной для государства, находит, что и программа плоха, и переводы, и вступительные статьи никуда не годятся (...) Я долго и горячо убеждал Лемке, что подобная статья во всех отношениях несправедлива и нежелательна, и что она может только осрамить его журнал (...) Я указал Лемке, что не ему, автору “Дум журналиста” и издателю Герцена, участвовать в преследовании такого культурного предприятия, как “Всем. Лит-ра”, одного из последних прибежищ гонимой русской интеллигенции. Лемке ответил мне, что он, хотя сам не находит, что какое бы то ни было неодобрение *тех* или иных сторон “Всем. Лит-ры” и даже критика самих

основ этого предприятия может трактоваться как нападение на литературу и интеллигенцию, но признает нужным считаться с моими доводами. Закончил он следующими (буквально!) словами. “Вы сильно на меня повлияли, и я даю вам слово, что если мне будет доставлена статья, рассматривающая деятельность “Всем. Лит-ры” с иной точки зрения, чем ваша, и если я эту статью пожелаю поместить, я во всяком случае предоставлю вам возможность заранее ознакомиться с нею, и в том же номере, если вы захотите, напечатаю ваше возражение” (...) Боюсь, что гораздо хуже Ионовского навета повредила мне в глазах Ал-ея Макс-ча и настроила его против меня жалоба на меня некоторых служащих Конторы Издательства. Коллегия поручила мне похлопотать у И.П. Ладыжникова о доставке членам Коллегии дров, а также узнать, может ли войти кто-нибудь из членов Коллегии в продовольственную комиссию. И.П. Ладыжников дал ответ, который мною был не совсем правильно понят. Я заключил, что продовольственное дело находится в руках какой-то *посторонней Издательству организации*, несущей риск и получающей прибыль, и что члены продовольственной комиссии занимают лишь распределением добытых *этой* организацией товаров, причем сообщил некоторые жалобы на неправильное распределение, которые мне довелось слышать от разных служащих. Считая это положение ненормальным, я в таком духе и сделал доклад Коллегии. Доклад этот обидел членов продовольственной комиссии, которых я вовсе не хотел лично обидеть, и мною были даны объяснения, которые, по моему мнению, должны были их удовлетворить (...) Как видите, я вполне чист. Вам, когда-то введшему меня во “Всем. Лит-ру”, не приходится краснеть за меня, и я надеюсь, что Вы примете к сердцу мое дело и попытаетесь объяснить Ал-ею Макс-чу, как глубоко он ошибся»³¹.

Ситуацию с дровами и с распределением продуктов, о которой написал Чуковский Лернер, рассматривалась на заседании Редакционной Коллегии 24 августа 1920 г. Сохранился протокол этого заседания. В нем сказано:

«Сообщение Лернера: 1) о том, что из переговоров его и Б.П. Сильверсвана с членом Издательской Коллегии И.П. Ладыжниковым, относительно доставки дров на квартиры членов Коллегии, выяснилось следующее: дрова будут доставлены при условии получения разрешения на право провоза дров по улицам Петрограда. Все члены Коллегии, желающие получить дрова, вносят до 10 сентября 1920 г. в кассу Издательства по 20 000 р. Стоимость 3 саж. дров определяется приблизительно в 20–22 т.р. с доставкой. 2) Из переговоров с И.П. Ладыжниковым относительно организации дела снабжения служащих и сотрудников Издательства продовольствием Н.О. Лернер вынес впечатление, что дело это поручено определенной коллегии лиц, несущих материальную ответственность за все возможные убытки, а следовательно, вероятно, пользующихся и известными материальными выгодами. Распределение продуктов, по мнению Лернера, производится не всегда равномерно между всеми уча-

³¹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПТЛ-10-18-1.

стниками Издательства. В частности, служащие библиотеки получают уменьшенный паек. В списках служащих имеются мертвые души, как, например, С.С. Цыпина.

Из возражений секретаря Е.П. Струковой выяснилось, что продовольственная комиссия работает исключительно на средства Издательства, никакой имущественной ответственности комиссии не несут и никаких прибылей не получают. Служащие (некоторые) библиотеки считаются временными и, как таковые, получают половинный паек, о чем они были предупреждены при поступлении на службу. С.С. Цыпина вследствие перенесенной болезни уволена в продолжительный отпуск без сохранения содержания и получает паек наравне с остальными служащими Издательства, как не вычеркнутая из списков.

По вопросу о дровах секретарь заявляет, что член Коллегии К.И. Чуковский вел переговоры с Отделом Управления и в ближайшие дни Издательство получит все необходимые документы на провоз дров (...)

Решили:

1) Признать удовлетворительными объяснения секретаря по поводу продовольственной комиссии. Признать все хозяйственные дела не подлежащими ведению Редакционной Коллегии. Благодарить Н.О. Лернера и Б.П. Сильверсвана за взятый ими на себя труд по переговорам с Издательской Коллегией относительно доставки дров на квартиру»³².

Чуковскому удалось помирить Горького и Лернера. Он записал в дневник: «3 октября 1920 г. (...) Ужаснее всего было то, что, оскорбив Лернера, Горький уехал в Москву, где и пребывал больше месяца. За это время Лернер извелся совсем. Наконец Горький вернулся – но приехал Wells и началась неделя о Уэллсе. Было не до Лернера (...) Но вот третьего дня вечером я пошел к Ал. М. на Кронверкский – и, несмотря на присутствие Уэллса, поговорил с Горьким вплотную. Горький прочел письмо Лернера и сказал: “да, да, Лернер прав, нужно вот что: соберите членов “Всем. Лит.” в том же составе, и я извинюсь перед Лернером – причем отнесусь к себе так же строго, как отнесся к нему”. Это меня страшно обрадовало. – Почему вы разлюбили “Всем. Лит.”? – спросил я. – Теперь вы любите “Дом Ученых”? – “Очень просто! – ведь из “Дома Ученых” никто не посылал на меня доносов, а из “Всем. Лит.” я сам видел 4 доноса в Москве, в Кремле (у Каменева). В одном даны характеристики всех сотрудников “Всем. Литер.” – передано все, что говорит Алексеев, Волынский и т.д. Один только Амфитеатров представлен в мягком, деликатном виде. (Намек на то, что Амф. и есть доносчик.) Другой донос – касается денежных сумм. Все это мерзко. Не потому, что касается меня, я вовсе не претендую на чью-нибудь любовь, как-то никогда это не занимало меня. Я знаю, что меня не должны любить, не могут любить, – и примирился с этим. Такова моя роль. Я ведь и в самом деле часто бываю двойствен. Никогда прежде я не лукавил, а теперь с нашей властью мне приходится

³² Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-изд-4-4-1.

лукавить, лгать, притворяться. Я знаю, что иначе нельзя». Я сидел ошеломленный»³³.

Е.И. Замятин так описал портрет Горького, сделанный в это время Ю.П. Анненковым: «Сумрачное, скомканное лицо – молчит. Но говорят три еще вчера прорезавшиеся морщины над бровью, орет красный ромб “Р.С.Ф.С.Р.”. А сзади странное сочетание: стальная сеть фантастического огромного города – и семизвездные купола Руси, проваливающейся в землю – или, может быть, поднимающейся из земли. Две души»³⁴.

Каждый человек соединяет в себе начала добра и зла. В Горьком двойственность с особой силой начала проявляться с 1914 г., с Первой мировой войны, когда стала терпеть крушение мечта писателя об объединении культурного человечества.

Статью, показанную Лернеру, Лемке печатать не стал, но в конце 1920 г. ему пришлось поместить в журнале не менее жесткую «рецензию» И.И. Скворцова-Степанова. Возражать против ее публикации было сложно: автор в это время занимал пост заместителя заведующего Госиздатом. Удивительно, но это был тот самый Скворцов-Степанов, о котором Тихонов несколько лет назад написал Горькому: «Человек этот говорит то же, и почти теми же словами, что и Вы»³⁵. Теперь он (и по убеждению, и по должности) – ярый враг частных издательств и вообще любой независимости от Госиздата. Любопытная деталь: двумя месяцами ранее «Книга и революция» напечатала положительный отзыв о книге Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» (пер., вступ. статья и примеч. А.Г. Горнфельда. Пг., 1919)³⁶, о которой теперь решил высказать свое мнение Скворцов-Степанов. Книга Шарля де Костера только повод. Руководитель Государственного издательства пишет о работе «Всемирной литературы» в целом, возмущается и дает руководящие указания: «Многое появится в русской литературе далеко не в первый раз (...) Повторные издания будут оправдываться, если 1) они дадут произведения, которые представляют особую ценность для страны пролетарской диктатуры; 2) если прежние издания отсутствуют не только в книжных складах, но и в библиотеках и 3) если они давали неудовлетворительные переводы. Особое внимание организаторы “Всемирной литературы” должны обратить на вступительные статьи (...) Они обслуживают не буржуазный мир с его скучающими барышнями обоего пола, а пролетарский мир, складывающийся в мучительной борьбе и напряженном труде (...) С этой точки зрения разбираемое издание “Уленшпигеля” – печальное недоразумение. Горнфельд без всяких колебаний идет по дорожке, проложенной бельгийскими патриотами во время империалистической

³³ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 147–148.

³⁴ Замятин Е. О синтезе // Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 18.

³⁵ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-п-76-1-4.

³⁶ Книга и революция. 1920. № 3/4 (рецензия подписана псевдонимом Тугарин, автор – Иванов-Разумник).

войны. Поэма де-Костера для него – “библия Фландрии” и Уленшпигель – “душа Фландрии”. С великим умилением Горнфельд рассказывает о том, как эта “душа Фландрии” проявилась в 1914 и следующих годах [...] Вот и говорите после этого, что в Советской России нет свободы печати! Этот восторженный гимн “гражданскому миру”, “священному единению” буржуазии и рабочих Бельгии под предводительством «короля-воина» печатается в советском издании, на советские средства! [...] То, что буржуазия и ее историки литературы выдают за “дух Фландрии”, в действительности – душа буржуазии торгово-капиталистической эпохи [...] Я, полагаю, доказал, что своими примечаниями и вступительной статьей Горнфельд обезобразил “Уленшпигеля”, и что “Всемирная литература” этим изданием показала пример, как *не следует* издавать старых мастеров. Нам приходится повсюду – и в литературе использовать “спецов”, хотя бы они были антисоветскими по своим настроениям. Но их надо взять под строгий контроль, к ним надо приставить комиссаров, которые положат конец пережевыванию старой буржуазной жвачки»³⁷.

Государственное издательство ни на минуту не ослабляло давления на детище Горького, стремясь лишить его первоначальной независимости. В результате была создана комиссия из высших партийных деятелей с целью выработки регламента взаимоотношений двух учреждений. Ею был составлен следующий документ (утвержден Политбюро 29 марта 1921 г.):

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ Ц.К.

о взаимоотношениях между Госиздатом и «Всемирной Литературой»

1) Отдел “Всемирной Литературы” является составной частью Государственного Издательства.

2) Во главе этого отдела стоит А.М. Горький, который является ответственным перед Ц.К. за направление и ход работ отдела.

3) А.М. Горький может образовывать при отделе рабочую коллегию по своему выбору (лишь доведя о составе ее до сведения Центральной Коллегии Госиздата).

4) В основу работ отдела “Всемирной Литературы” кладется существующий уже утвержденный план издания. В случае дополнения этого плана эта последняя работа производится в контакте с Коллегией Госиздата. Измененный план утверждается Центральной Коллегией Госиздата.

5) В деле выполнения утвержденного плана отдел “Всемирной Литературы” работает самостоятельно и автономно.

6) Коллегия Госиздата может просить отдел “Всемирной Литературы” выполнить те или иные поручения.

7) Все издания “Всемирной Литературы” редактируются как с художественной, так и с политической стороны А.М. Горьким, который и несет за них полную ответственность.

³⁷ Книга и революция. 1920. № 6. С. 41–43.

8) Передача рукописей отдела “Всемирной Литературы” к изданию производится Госиздатом, который определяет порядок издания, дает бумагу и т.п.

9) Весь художественно-технический аппарат, основывающий работы отдела “Всемирной Литературы”, находится в заведовании этого отдела.

10) На изданиях “Всемирной Литературы” ставится подпись и марка “Госуд. Издательства”, а с другой стороны, оставляется подпись “Всемирная Литература”.

Каменев, Зиновьев и Преображенский»³⁸.

1921 г. выдался очень трудным для страны. На Россию обрушился голод. Особенно сильно он свирепствовал в Поволжье. Новой власти еще не удалось изжить до конца старые традиции. 13 июля Горький писал С.Ф. Ольденбургу из Москвы: «Здесь организуется “Комитет борьбы с голодом”; в состав его входят человек пять видных коммунистов, напр.: Н.А. Семашко, А.И. Рыков, комиссар Наркомзема Теодорович и еще двое – еще не знаю кто, – затем: Кишкин, Щепкин, Л.А. Тарасевич, Н.В. Некрасов, Кутлер, Н.Н. Покровский, С.Н. Прокопович, генер. Брусилов и др. – человек тридцать. Необходимо Ваше участие, а также – я думаю – участие А.Е. Ферсмана, През. Ак. Карпинского, В.А. Стеклова и еще человек пяти-шести столь же солидных репутаций. Очень прошу Вас известить меня спешно о Вашем и названных лиц отношении к делу. Положение трагическое. Такого голода Русь еще не испытывала. Цель комитета – воззвание к Европе и Америке о помощи, а также работа на местах совокупно с агентами власти»³⁹. Письмо пришло в Петроград 15 июля. В этот же день Ольденбург сообщил: «Могу сейчас же ответить принципиальным согласием А.П. Карпинского, В.А. Стеклова, А.Е. Ферсмана, В.И. Вернадского, И.П. Бородин, Н.С. Курнакова, Н.Я. Марра – как видите, все имена хорошие, очень рекомендуем и Л.А. Чугаева (Вологда, университет), и В.Н. Ипатьева (Москва (ему я написал)). Я, конечно, тоже даю и за себя принципиальное согласие»⁴⁰. Власть боялась общественной инициативы. Только после «трех бурных заседаний Политбюро РКП(б), – пишет историк Р. Гулеев, – 21.07.1921 ЦИК принял декрет об организации Комитета»⁴¹. Ленин презрительно называл его «прокукишем» (аббревиатура, составленная из фамилий членов комитета – С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой, Н.М. Кишкина). Петроградское отделение Комитета так и не было официально утверждено, поскольку Горький (председатель отделения) не согласился на требование власти исключить из членов Н.Я. Марра,

³⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 493 (заверенная копия).

³⁹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПГ-рл-29-6-2.

⁴⁰ Там же. КГ-уч-8-27-9.

⁴¹ Память. Париж, 1981. Вып. 4. С. 383.

М.В. Новорусского, С.Ф. Ольденбурга и Я.Д. Щупака⁴². «В августе 1921 г. после письменного указания Ленина Комитет был распущен, а большинство его членов арестовано»⁴³. Таким образом, власть сделала писателя провокатором. Только благодаря заступничеству Г. Гувера и Ф. Нансена Н.М. Кишкин, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович и другие арестованные не были расстреляны.

Большевики всегда с подозрением относились к общественным объединениям. В 1921 г., из-за Кронштадтского мятежа, их взгляд был особенно настороженным. Мартовское выступление балтийских моряков, на подавление которого были брошены делегаты X съезда РКП(б), проходило под лозунгом «Власть Советам, а не партиям!»⁴⁴. Организацию мятежа чекисты проглядели. Стремясь реабилитироваться в глазах Кремля, они создали «дело Таганцева». В конце июля 1921 г. Горький писал Ленину: «Владимир Ильич! Посылаю Вам письмо Кадыан, она сказала мне, что в нем идет речь о деле Таганцева. Сообщение об этом “заговоре”, напечатанное в Петрогр. газетах, фактически так неуклюже и редактировано настолько неумело, что вызывает очень досадное впечатление у одних и злорадство других»⁴⁵. Через несколько дней, в ночь с 3 на 4 августа, арестовали Н.С. Гумилева. Это произошло после того, как 28 июля 1921 г. подследственный В.Н. Таганцев и особоуполномоченный при Президиуме ВЧК Я.С. Агранов подписали «договор» следующего содержания:

«Я, Таганцев, сознательно начинаю делать показания о нашей организации, не утаивая ничего, буду говорить о наших задачах, целях и взглядах на будущее и не утаю не одного лица, причастного к нашей группе. Все это делаю для облегчения участи участников нашего процесса.

Я, уполномоченный ВЧК, Яков Соломонович Агранов, при помощи гражданина Таганцева, обязуюсь быстро закончить следственное дело и после окончания передать в гласный суд, где будут судить всех обвиняемых.

Я, Агранов, обязуюсь, в случае исполнения договора со стороны Таганцева, что ни к кому из обвиняемых, как к самому Таганцеву, так и к его помощникам, даже равно как и к задержанным курьерам из Финляндии, не будет применена высшая мера наказания»⁴⁶.

⁴² См.: «Я Вас сердечно любил...» (М. Горький и Л. Каменев) / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л.А. Спиридоновой // М. Горький: Материалы и исследования. М., 1998. Вып. 5. С. 231, 241.

⁴³ Спиридонова Л.А. М. Горький: новый взгляд. М., 2004. С. 105.

⁴⁴ См.: Щетинов Ю. Введение // Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 5.

⁴⁵ Горький и его эпоха: Материалы и исследования. М., 1994. Вып. 3. С. 38 (публ. И.А. Ревякиной)

⁴⁶ Из ранних свидетельств о «деле ПБО» / Предисл. и примеч. И. Вознесенского // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 469–470. Вознесенский, перепечатывая из парижских «Последних новостей» статью «Таганцевский заговор» (в ней приводится цитируемый «договор», статья опубликована 8 октября 1922 г. за подписью

Опытный чекист обманул наивного профессора. Не только «гласного», вообще никакого суда не было. Все решили сотрудники ЧК.

Пытался ли руководитель «Всемирной литературы» спасти своего коллегу? А.А. Ахматова вспоминала: «Горький отказался принять делегацию писателей, хлопотавших за Гумилева. Он в это время готовился к отъезду за границу, нервничал, болел, всего боялся»⁴⁷. Действительно, большевикам ничего не стоило арестовать Горького вместе с другими членами Комитета помощи голодающим. И расстрелять могли, если бы сочли это целесообразным. Разгром ПОМГОЛа, арест Гумилева, смертельная болезнь Блока – все навалилось одновременно, было от чего нервничать. Ахматова верно передает душевное состояние Горького. Группа писателей, о которых она говорит, – это, по-видимому, Н.М. Волков-Волынский, А.Л. Волынский, Н.А. Оцуп и С.Ф. Ольденбург. Они попытались выяснить в Петроградской ЧК, в чем обвиняется поэт. А.В. Амфитеатров вспоминал:

«Депутация Профессионального Союза Писателей, недели через две после ареста, отправилась хлопотать за Гумилева. Председатель Чрезвычайки не только не мог ответить, за что взят Гумилев, но даже оказался не знающим, кто он такой...

– Да чем он, собственно, занимается, ваш Гумилевич?

– Не Гумилевич, а Гумилев...

– Ну?

– Он поэт...

– Ага? Значит, писатель... Не слыхал... Зайдите через недельку, мы наведем справки»⁴⁸.

По всей видимости, по инициативе А.Л. Волынского вскоре после посещения «Чрезвычайки» было составлено следующее письмо (без даты), которое подписал и Горький:

«В Президиум Петроградской губернской
Чрезвычайной комиссии

Председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член редакционной коллегии государственного издательства «Всемирная литература», член Высшего совета Дома искусств, член комитета Дома литераторов, преподаватель Пролеткульта, профессор Российского института истории искусств Николай Степанович Гумилев арестован по ордеру Губ. Ч.К. в начале текущего месяца.

Ввиду деятельного участия Н.С. Гумилева во всех указанных учреждениях и высокого его значения для русской литературы нижепоименованные

«С»), отмечает в предисловии: «Мы не будем здесь касаться вопроса об источниках сведений (...) Отметим лишь, что целый ряд фактов подтверждается независимыми источниками: такова прежде всего история сговора Таганцева с Аграновым» (с. 465).

⁴⁷ Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 642.

⁴⁸ Амфитеатров А.В. Н.С. Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 241.

учреждения ходатайствуют об освобождении Н.С. Гумилева под их поручительство.

Председатель Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей	А.Л. Волинский
Товарищ председателя Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов	М. Лозинский
Председатель коллегии по управлению Домом литераторов	Б. Харитон
Председатель Пролеткульта	А. Маширов
Председатель Высшего совета Дома искусств	М. Горький
Член издательской коллегии «Всемирной литературы»	Ив. Ладъжни- ков» ⁴⁹ .

По назначению письмо дошло только 4 сентября⁵⁰, когда было уже поздно. Поэта расстреляли 25 августа, а 1 сентября 1921 г. «Петроградская правда» опубликовала список (61 человек) подвергнутых высшей мере наказания за «участие» в так называемом «Таганцевском заговоре». Тридцатым в нем значился «Гумилев, Николай Степанович, 35 лет л., б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии “Изд-ва Всемирной Литературы”, беспартийный, б. офицер. Участник П.Б.О., активно содействовал составлению прокламаций к.-револ. содержания, обещал связать в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

Кроме приведенного выше коллективного ходатайства, известно письмо, напечатанное на бланке «Всемирной литературы» (оно никем не подписано, документ в свое время обнаружил в ЦГАЛИ М.Д. Эльзон). С.П. Лукницкий, приведя его в своей книге, не без оснований называет это письмо фальшивкой⁵¹. Мы располагаем также свидетельством Е.И. Замятина: «Случилось так, что незадолго до его отъезда я, возвращаясь из Москвы в Петербург, оказался в одном вагоне с Горьким. Была ночь, весь вагон уже спал. Вдвоем мы долго стояли в коридоре, смотрели на летевшие за черным окном искры и говорили. Шла речь о большом русском поэте Гумилеве, расстрелянном за несколько месяцев перед тем. Это был человек и политически, и литературно чужой Горькому, но тем не менее Горький сделал все, чтобы спасти его. По словам Горького, ему уже удалось добиться в Москве обещания сохранить жизнь Гумилева, но петербургские власти как-то узнали об этом и поспешили немедленно привести приговор в исполнение. Я никогда не видел Горького в таком раздражении, как в эту ночь»⁵².

Писатель также активно добивался разрешения на выезд Блока для лечения в Финляндию. Н.И. Дикущина пишет: «Болезнь его была давней и по

⁴⁹ Цит. по: Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 294.

⁵⁰ Там же. С. 15.

⁵¹ Там же. С. 43.

⁵² Замятин Е.И. Лица. Нью-Йорк, 1967. С. 93.

тем временам, как считают современные медики, неизлечимой. Одновременно усугублялся тяжелый душевный кризис (...) Очевидно, по просьбе Любови Дмитриевны Блок Горький в конце мая спрашивал у Луначарского, возможно ли “выхлопотать – в спешном порядке – для Блока выезд в Финляндию, где я мог бы помочь ему устроиться в одной из лучших санаторий...” Вопрос о санатории в Финляндии возникает вновь во второй половине июня, когда после некоторого улучшения состояние больного резко ухудшилось (...) Л.Д. Блок опять обратилась за помощью к уезжавшему в Москву Горькому»⁵³. Писатель связался с наркомом просвещения. 11 июля Луначарский написал в ЦК и Ленину: «Поэт Александр Блок, в течение всех этих четырех лет державшийся вполне лояльно к Советской власти и написавший ряд сочинений, учтенных за границей как явно симпатизирующих Октябрьской революции, в настоящее время тяжело заболел нервным расстройством. По мнению врачей и друзей, единственной возможностью поправить его является временный отпуск в Финляндию. Я лично и т. Горький об этом ходатайствуем. Бумаги находятся в Особотделе, просим ЦК повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока смысле»⁵⁴. Однако пересилила точка зрения В.Р. Менжинского, ведавшего в ВЧК выездными делами; собравшееся на следующий день Политбюро постановило: «Поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока»⁵⁵. О лечении – ни слова. Узнав о решении, Горький отправил Луначарскому возмущенное письмо: «...умирающего А.А. Блока, который по глубокой честности своей не скажет ни слова хулы на Совправительство, – Блока не пустили лечиться в Финляндию, а заведомых врагов Соввласти отпускают по три штуки сразу»⁵⁶. Н.И. Дикущина пишет: «... мнение Горького о постановлении Политбюро укрепило Луначарского в намерении послать протест в ЦК РКП(б)»⁵⁷. Что он и сделал – 15 июня. Через неделю был проведен опрос по телефону членов Политбюро и принято новое решение: «Разрешить выезд А.А. Блока за границу»⁵⁸. Но на этот раз забыли о том, что поэт нуждается в сопровождающем. 29 июля Горький телеграфировал Луначарскому: «У Александра Блока острый эндокардит. Положение крайне опасно. Необходим спешный выезд в Финляндию. Решительно необходим провожатый. Прошу Вас хлопотать о разрешении выезда жены Блока. Анкеты посылаю. Спешите, иначе погибнет»⁵⁹. Но произошла новая, неожиданная, заминка – «какой-то Московский отдел потерял анкеты»⁶⁰. 3 августа новые анкеты были заполнены, и 6 августа секретарь издательства «Всемирная литература» Е.П. Струкова передала их Горькому, который

⁵³ Дикущина Н. Как решалась судьба поэта // Лит. газ. 1990. № 48 (5322). 28 нояб.

⁵⁴ Лит. наследство. Т. 80. С. 292.

⁵⁵ Там же. С. 294.

⁵⁶ Цит. по: Дикущина Н. Как решалась судьба поэта.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Лит. наследство. Т. 80. С. 294.

⁵⁹ Архив А.М. Горького. М., 1966. Т. 14. С. 100 (публ. А.Е. Погосовой).

⁶⁰ Лит. газ. 1990. № 48 (5322). 28 нояб.

уезжал в Москву. Однако было уже поздно. 7 августа сердце Александра Александровича Блока перестало биться.

Планомерные действия властей по выдворению писателя из страны увенчались успехом⁶¹. 12 октября 1921 г. Горький выехал за границу⁶². В качестве секретаря его сопровождала В.В. Шайкевич. Вместе с ними родину покинул З.И. Гржебин. Издательство возглавил А.Н. Тихонов.

Еще 16 февраля 1921 г. Горький направил Ленину доклад «О печатании за границей “Всемирной литературы”», в котором говорилось:

«1). “Всемирная Литература”, обладая запасом готовых рукописей в 8000 печ. листов, выпустила в свет всего лишь 500 печ. листов, т.е. около 6% своей производительности. Такое положение ненормально, невыгодно в финансовом отношении и грозит остановкой работ Издательства.

2). В виду все обостряющегося финансового кризиса нет надежды, что положение “Всемирной Литературы” в близком будущем в этом отношении улучшится.

3). Принимая во внимание, что многие книги, издаваемые “Всемирн. Лит.”, имеют большое значение в качестве материала для пропаганды, и также считаясь с культурными потребностями страны, следует признать, что дальнейшая деятельность “Всемир. Лит.” во всех отношениях желательна.

4). “Всемирн. Литер.” имеет возможность печатать свои издания и при том с минимальными затратами в случае, если:

а) печатание книг будет перенесено за границу,

б) часть издаваемых книг распространяться на заграничном рынке.

5). Калькуляция (предварительная).

По данным Изд. Боньера (Стокгольм) и Изд. Ладыжникова (Берлин) русские книги продаются в Европе, не считая Америки, в количестве от 5–10 тысяч экз. Возьмем минимальную цифру: 5000 экз.

Себестоимость книги размера “Всемир. Литер.” (20 печ. лист.) при тираже в 10 000 экз. равняется для Германии (по точным данным, имеющимся у З.И. Гржебина) – 5 германск. маркам. Продажная цена книги в настоящее

⁶¹ То, что Горького выгнали из России, не было секретом. 3 июня 1928 г. Пришвин записал в дневник: «Вчера ездил на свидание с Горьким (...) На обратном пути в вагоне слышу, рабочие говорят (...) “Понимаю, – сказал первый, – Горький выше Сталина, Горький на место Ильича. Провожали так, а встречаем вот как. Конечно, Ильич его выгнал: “уезжай от греха!” А теперь встречаем, почему же мы так его встречаем? Вот уж кости-то у Ильича, наверно, как прыгают»» (Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929 / Подгот. текста Л.А. Рязановой; Комментар. Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой. М., 2004. С. 60–61).

⁶² Долгое время считалось, что писатель покинул Россию 16 октября 1921 г. В действительности это случилось чуть раньше. 11 числа Горький прибыл из Москвы в Петроград и на следующий день выехал в Финляндию. 13 октября 1921 г. М.А. Кузмин записал в дневник: «Уехал Горький, Гржебины, Родэ, Урванцов. Все, все. Даже как-то неприлично оставаться» (Минувшее. М.: СПб., 1993. Т. 13. С. 493; публ. Н. Богомолова и С. Шумихина).

время – 20 марок. За вычетом 50% на скидку книгопродавцам и организационные расходы – чистая прибыль книги равняется 5 германским маркам.

Иными словами: каждая проданная за границей книга дает возможность выслать в Россию бесплатно один экземпляр.

Для организации дела потребуется оборотный фонд в один миллион германских марок для выпуска первых двадцати книг.

При умелой организации рынка и включении в него Америки и Чехословакии имеется возможность значительно увеличить заграничный тираж книг. При этом условии Советская Россия может иметь почти бесплатно от 10 до 15 тысяч экз. каждой книги, изданной за границей.

6). Ввиду вышеизложенного я предлагаю:

а) перенести печатание “Всемирн. Литер.” в Германию, ассигновав для этого один миллион германских марок в качестве оборотного фонда;

б) командировать в Германию представителя “Всемир. Лит.”, поручить ему совместно с имеющимся в Берлине советским издательским аппаратом организовать печатание и продажу книг “Всемирной Литературы”⁶³.

Предложение Горького Политбюро рассмотрело 27 апреля 1921 г. и постановило:

«а) Признать принципиально желательным печатание книг “Всемирной Литературы” в Германии с тем, что часть книг будет продаваться на заграничном рынке, другая часть поступать в Россию в распоряжение Госиздата. Весь заграничный аппарат находится в руках “Всемир. Лит.”, Госиздату принадлежит право контроля и выбор рукописей для печати.

б) Командировать в Германию представителя “Всемирной Литературы” с поручением организовать там печатание и распространение книг “Всемирной Литературы” в непосредственном контакте с представителями Р.С.Ф.С.Р.

в) Определение сумм, которые должны быть выданы “Всемирной Литературе”, как оборотный фонд, а также способа контроля над расходованием этих средств поручить выработать т. Лежаве в недельный срок»⁶⁴.

В начале ноября 1921 г. Горький приехал в Берлин. Через некоторое время здесь для выполнения задач, изложенных писателем в докладе Ленину, было открыто отделение “Всемирной литературы”. Сначала его работой руководила В.В. Шайкевич. В середине 1923 г. она стала готовиться к отъезду в Париж, куда вскоре переселился и Гржебин. 15 июня 1923 г. В.В. Шайкевич писала М.И. Будберг: «Многоуважаемая Мария Игнатьевна! К сожалению, в июле я уже не буду в Берлине, и потому придется оставить все дела “Всемир. Лит.” у Зиновия Исаевича, который и передаст их Вам. Что касается Александра Николаевича, то я уже недели две тому назад писала ему, что, по совету Алексея Максимовича, передаю дела Вам. Ответа на это письмо жду со дня на день и уверена, что он будет благоприятным»⁶⁵.

⁶³ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. БИО-17-5-22.

⁶⁴ Там же. КГ-изд-4-22-1.

⁶⁵ Там же. КГ-изд-4-32-1.

Однако у А.Н. Тихонова были несколько иные планы. 30 июля 1923 г. он писал Н.Н. Суханову, отбывающему в Берлин:

«Дорогой Николай Николаевич,

К сожалению, оказалось, что рукописи для Берлина не были высланы. Высылаю их сегодня по адресу Екатерины Павловны (Пешковой. — *Е. Н.*).

Высылаю также Вам доверенность и копии всех необходимых документов. Тоже получите у Екатерины Павловны, равно как и деньги 35 фунтов для Вар. Вас. (Шайкевич. — *Е. Н.*) и 50 долларов для закупки книг в Берлине, которые Вы будете посылать нам в Россию.

С берлинским поручением выходит маленькое осложнение: пока мы вели с Вами переговоры, в Берлине, по просьбе Вар. Вас., управление нашими делами перешло в руки Марии Игнатьевны Будберг (Бенкендорф), которая предлагает и в дальнейшем свои услуги. Я ей написал, что уже сговорился с Вами и просил Вас быть полномочным нашим представителем, но, с другой стороны, мне бы не хотелось лишаться ее услуг, так как, во-первых, она принялась за дело по поручению Алексея Максимовича, а, во-вторых, она в очень хороших отношениях с Берлинским Торговым Представительством, от которого зависит весь успех нашего дела. Я думаю, что Вы могли бы перепоручить ей часть своих обязанностей и сговориться о совместной работе, при том, разумеется, условии, что Вы являетесь Заведующим Отделом и нашим полномочным представителем, ответственным за все дело, а она — Вашей помощницей. В частности, ей можно было бы поручить организацию распространения наших книг за границей, снабжение нас, питерцев, иностранными книгами и журналами и кое-что из издательских функций, хотя бы, например, чтение технической корректуры, — работы, которую все равно придется передавать какому-нибудь частному корректору. Разумеется, это при условии, что Будберг умеет вести корректуру и что окончательный редакционно-технический просмотр сверстанных листов будет лежать на Вашей ответственности.

Полагаю, что Вы с ней договоритесь, также и на счет материального вознаграждения, причем я решил, ввиду этого обстоятельства, увеличить процент отчислений в пользу Берлинского отдела, который, повторяю, должен существовать на свои собственные средства, получая на свое содержание и все расходы половину тех отчислений, которые следуют нам с Издательского Отдела Внешторга, иными словами, половину от 35% от издательской себестоимости книги»⁶⁶.

Результатом работы отдела стали следующие книги: Ларрета Э. Подвиг дон-Рамиро / Пер. К. Жихаревой; Предисл. Г. Лозинского и И. Крачковского; Примеч. Г. Лозинского и Б. Кржевского. Берлин, 1922; Мартинес-Сьерра Х. Благословенная весна и другие рассказы / Пер. К. Жихаревой; Ред. А. Сереброва; Предисл. Е. Френкеля. Берлин, 1922; Саади. Гулистан / Пер. Е. Бертельса; Предисл. С. Ольденбурга. Берлин, 1922; Д'Аннунцио Г. Мо-

⁶⁶ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-изд-4-15-1.

жет быть да, может быть нет / Пер. и предисл. Г. Лозинского; Ред. А. Волынского. Берлин, 1923; Папини Дж. Трагическая ежедневность / Пер. Ю. Балтрушайтиса, Р. Да-Рома и Б. Я[ковенко]; Ред. А. Волынского; Предисл. Б. Яковенко. Берлин, 1923; По Э.А. Рассказы. Т. 1–3 / Пер. М. Энгельгардта. Берлин, 1923; Эса ди Кейруш. Переписка Фрадика Мендеша / Пер. Г. Лозинского и Е. Лавровой; Предисл. Г. Лозинского; Примеч. Г. Лозинского и Б. Кржевского. Берлин, 1923. Одно издание было подготовлено совместно с московским отделением: Маран Р. Батуала. Подлинный негритянский роман / Пер. З. Венгеровой. Берлин; М., 1923.

После отъезда Горького за границу Тихонов как мог сопротивлялся натиску Госиздата. 15 ноября 1923 г. он сообщал М.И. Будберг: «Вы пишете, что считаете возможным найти в Германии капиталистов, которые согласятся дать денег для “Всемир. Лит.”. Это приятно слышать. Для того, чтобы Вам было удобнее с ними разговаривать, я посылаю Вам все необходимые данные, касающиеся “Всемир. Лит.” и ее работы. Условия помещения капиталов могут быть следующие: 1. — Госиздат остается пайщиком “Всемир. Лит.” и привлекает в качестве второго пайщика частный капитал, образуя (очень распространенные теперь в России) смешанное акционерное Об-во, в котором Госиздат имеет 51, а частный капитал 49 паев. Общество работает под фирмой “Всемир. Лит.” или какой иной, как совершенно самостоятельное, независимое от Госиздата Издательство. 2. — Частный капитал вливается во “Всемир. Лит.”, опять-таки образуя уже с ней, а не с Госиздатом, частное Издательство. Поскольку во “Всемир. Лит.” при этих условиях будет заключаться вложенный в нее ранее Госиздатский капитал, новое Издательство уплачивает за него определенный процент (10–15% с номинала каждой изданной книги) (...) 3. — Частный капитал основывает независимое от Госиздата собственное Издательство и использует для него редакционный аппарат, техническую, административную и всякую иную организацию “Всемир. Лит.” (...) Но, конечно, с этим вопросом надо торопиться. Мы находимся сейчас в неопределенном положении и можем легко варьировать ту или иную форму соглашения, но в конце этого месяца наше положение определится и будет закреплено в какой-либо одной конкретной формуле и так. обр. мы потеряем свободу маневрирования, поэтому я очень прошу Вас, если Ваши переговоры будут принимать реальные очертания — немедленно телеграфировать мне об этом. В случае надобности, я могу приехать в Германию»⁶⁷.

Трудно сказать, основывалось ли на чем-либо реальном сообщение М.И. Будберг. Скорее всего, таким образом она хотела оттеснить на второй план Н.Н. Суханова.

Сохранять относительную самостоятельность детищу Горького удавалось до тех пор, пока ГИЗ не возглавил Ионов. Одним из первых его шагов на новом посту стало создание комиссии, перед которой была поставлена цель ликвидировать «Всемирную литературу» (путем слияния ее с Ленинградским отделением Госиздата). Приказ Ионова от 15 декабря 1924 г. гласил:

⁶⁷ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-изд-4-14-3.

«КОМИССИИ ПО ПРИЕМКЕ ЛЕНПРЕДГИЗА И «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В дополнение к распоряжению моему от 13-го декабря с.г. предлагаю комиссии:

- 1) немедленно принять от А.Н. Тихонова:
 - а) редакционный портфель и всю находящуюся в производстве литературно-издательскую работу;
 - б) делопроизводство, счетоводство, отчетность, сметы и проч.;
 - в) список личного состава, с точным обозначением характера работы каждого сотрудника и их анкеты;
 - г) дом № 36 по Моховой улице, со всей его отчетностью;
 - д) весь инвентарь этого дома;
 - е) библиотеку.
- 2) Тов. А.Н. ГОРЛИНУ принять заведывание всей редакционной частью Ленпредгиза и «Всемирной литературы».
- 3) Всех сотрудников Ленпредгиза и «Всемирной литературы» перевести в ведение Управления Делами Ленгиза.
- 4) Тов. А.Н. ТИХОНОВА считать, по сдаче им всех вышеупомянутых дел, в распоряжении Правления Ленгиза»⁶⁸.

Приказ появился на свет после разговора Ионина с Тихоновым. Чуковский записал в дневник 16 декабря 1924 г.:

«Вчера Тихонов был у Ионина и прямо в лоб:

— Хотите со мной работать?

— Да. Но вы мой враг. Вы Луначарскому писали на меня доносы, жаловались, что «Ионов хочет вас слопать».

— Да, писал. Но и вы писали бы. Вы действительно хотели меня слопать, и я защищался.

— Это так. Чего же вы хотите?

— Вы знаете, что на малое я не пойду. Подчиняться Горлину не стану. Дайте мне заведывание всю «Художеств. Литературой», включив в нее, как часть, иностр. литературу, и оставьте дом на Моховой.

— Но дом требует ремонта?

— Нет, ремонт был...

— Ну, отлично!

И ударили по рукам»⁶⁹.

Ионов обманул — выпустил приведенный выше приказ. Сотрудникам «Всемирной литературы» оставалось одно — обратиться за помощью к Горькому. 22 декабря 1924 г. от имени Коллегии С.Ф. Ольденбург телеграфировал в Сорренто: «Предложение Ионина считаем неуместным. Работу Тихонова (с) Ионовым полезной (для) Госиздата»⁷⁰. Горький ответил в тот

⁶⁸ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. Ф. А.Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 521.

⁶⁹ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 295.

⁷⁰ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. КГ-уч-8-27-16.

же день: «Дорогой Сергей Федорович, сейчас телеграфировал Ионову: “Решительно протестую против устранения Тихонова из коллегии “В.Л.”, он идеальный работник, совместная его работа с Вами залог успеха”. Я просил бы написать мне: каковы мотивы Ионина? Слышал, что он скоро будет во Флоренции, вероятно, заедет ко мне»⁷¹. Ионов, давая понять — кто хозяин положения, написал в Италию только 8 января 1925 г.: «Я получил Вашу телеграмму относительно Александра Николаевича Тихонова (...) Взаимоотношения с Тихоновым всегда у Ленинградского отделения Государственного издательства были довольно натянутые (...) На одном из заседаний нашего Правления я, наперекор ему, поддержал кандидатуру А.Н. Тихонова в качестве заведующего отделом всемирной литературы. Кандидатура эта во всем руководящем аппарате встретила резкое сопротивление, которое я не считаю себя вправе сломить, ибо все товарищи полагают, что с Тихоновым сработаться они не сумеют»⁷². Сотрудники «Всемирной литературы» еще некоторое время пытались сопротивляться. Последнее заседание Коллегии состоялось 14 января⁷³. А через две недели А.Н. Тихонова арестовали, вероятно, для того, чтобы ни у кого не возникло мысли возродить «Всемирную литературу». Чуковский записал в дневник: «Тихонов арестован. За что, неизвестно. По городу ходят самые дикие слухи. Говорят, будто по требованию Ионина»⁷⁴. Освободить заключенного, не без участия Горького, удалось только 15 мая 1925 г.⁷⁵

Обширные планы «Всемирной литературы» в силу объективных и субъективных причин были реализованы далеко не в полной мере. Позднее, в 30-е годы, то, что не успела осуществить «Всемирная литература», Горький пытался претворить в жизнь с помощью другого издательства — «Academia».

⁷¹ Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПГ-рл-29-6-5.

⁷² Архив А.М. Горького. М., 1966. Т. 10. Кн. 1. С. 70 (публ. С.И. Доморацкой).

⁷³ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. С. 303.

⁷⁴ Там же. С. 325.

⁷⁵ Примочкина Н.Н. М. Горький и журнал «Русский современник» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 368.